

≈ 54 мин

Оглавление [скрыть](#)

1. Предисловие переводчика

2. От издательства

3. Илона Швихликова. Как мы стали колонией

4. Внешняя обстановка — изменения и перемены в мировой экономике после 70-х годов

5. Мировая экономика в конце 1980-х годов

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод этой книги можно приурочить к 100-летию создания Чехословацкой республики. Перед вами — один из самых лучших научных трудов, которые были написаны в Чехии со времён распада соцлагеря. Чехия с 1989 года — одно из самых антикоммунистических государств в мире, масштабы антикоммунистической истерии поражают. Пропаганда в Чехии настолько всепоглощающая и мощная, что становится почти невозможно найти человека, чьё мнение было бы отлично от того, что говорят по телевизору или в интернет-изданиях, и кто хоть сколько-нибудь сопротивлялся бы господствующему «мейнстриму». Любая попытка привести доводы, факты, противоречащие официальным оценкам, будет заклеена как большевистская или марксистская пропаганда. Даже люди, жившие в ЧССР, вынуждены скрывать своё мнение о той эпохе либо менять его на противоположное под давлением бытия.

Фактически ни один человек в Чехии после гибели социализма на большую аудиторию не произнёс слов в защиту социалистического периода истории. Его

для чехов как будто не существует, от него отрещиваются и не изучают. Постоянное, ежедневное промывание мозгов в телевизоре, газетах, выставках, билбордах, интернет-изданиях дало свои плоды (подробно об одной вопиющей «выставке» я рассказал в своей [заметке](#)). На руку пропагандистам, которые цементируют невежество населения, играют экономический рост на фоне стагнации еврозоны и умелая социал-демократическая политика, делающая Чехию более привлекательной для жизни, по сравнению с остальными странами Восточной Европы. Люди понемногу начинают уставать от пропаганды и относиться к ней скептически, но пока не готовы осознать даже её масштабов, не говоря уже о борьбе с ней.

Но недавно одна из ведущих чешских экономистов выпустила книгу «Как мы стали колонией?», которая за короткий период стала бестселлером в Чехии и Словакии. Так как показывает реальное положение дел в Чехии, даёт адекватный анализ истории людям, уставшим от сентенций вроде «спасём Масарикову демократию», предлагает долгожданную альтернативу государственной пропаганде и мещанскому «здравому смыслу». Конечно, книга не лишена недостатков, так как автор не является последовательным марксистом. Кроме того, по соображениям цензуры многие вещи она писать не может, либо передаёт их завуалировано с целью избежать проблем с изданием книги.

Юлиус Гашек

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Доцент, доктор экономических наук Илона Швихликова — известный чешский

экономист, профессионально занимающаяся международной экономикой, прежде всего вопросами глобализации, энергетики и политической экономии. В 2010 году представила свою монографию «Глобализация и кризис», в 2014 году — монографию «Перелом. От великой рецессии к великой трансформации».

Имеет множество публикаций, читает лекции в Чехии и Словакии, выступает на радио и телевидении.

В 2010 году основала гражданскую инициативу «Альтернатива снизу», цель которой, согласно заявлениям организаторов, — способствовать участию граждан в публичной жизни и экономической демократии.

«К чему мы пришли за последние двадцать пять лет? В каком состоянии находится сейчас Чешская Республика? И прежде всего, куда мы движемся и к чему идём?»

Чешский экономист с политологическим образованием в своей новой книге с провокационным, однако, к сожалению, подходящим названием — «Как мы стали колонией» — описывает путь, пройденный чехами, от так называемой «бархатной революции» до сегодняшнего дня. Она анализирует детали ситуации и одновременно представляет возможности дальнейшего развития.

Образ, который, рисует нам автор, не слишком радостен. И её взгляд полностью опирается на эмпирические факты, а не на идеологически приукрашенные догматы, о которых мы слышим и читаем со страниц мейнстримовых медиа каждый день.

К примеру, в отличие от большинства «официальных» экономистов, которые считают развитие после 1989 года полностью позитивным, но якобы всего лишь с мелкими недостатками, Илона Швихликова не боится называть вещи своими именами и прямо заявляет, что *«с самого начала мы встали на ошибочный путь»*.

«Чешская Республика после 1989 года вошла в мировую экономику на правах колонии и в колониальном состоянии находится до сих пор. Мы оказались на периферии в экономических аспектах, а также в политических и интеллектуальных. Назревает вопрос — было ли это следствием обстоятельств, замыслом или же следствием нашей наивности? — но в ответ пока нельзя ничего утверждать однозначно».

Автор старается объяснить текущую ситуацию в контексте перемен в мировой экономике. Чешская экономика в конце 80-х годов начала вливаться в мировую глобализацию, где происходил рост крупных транснациональных корпораций, возникновение международных рыночных цепей и усиление финансовализации (процесс трансформации финансового капитала в фиктивный и виртуальный капитал и его отделение от реальной, производственной сферы).

В мировую экономику Чехия начала интегрироваться в тот момент, когда капитализм уже находился в серьёзном кризисе, и распад восточного блока пришелся как нельзя кстати, отложив великую рецессию на двадцать лет. Чехословакия, а позже Чешская Республика, создала свою трансформационную стратегию в обстановке господствующего неолиберализма, воплощённого в жизнь на Вашингтонском консенсусе, по которому проводилась либерализация

в качестве панацеи от всех болезней мира.

Бывшие социалистические страны стали не только новым желанным рынком сбыта, но и живой лабораторией, где при поддержке местных элит было испытано воздействие рецептов рыночного фундаментализма, таких, как дерегуляция, самоцельная купонная приватизация с конкурентной ценой, которая в Чехии в начале трансформационного процесса была поддержана значительной девальвацией кроны, фискальными ограничениями, низкими налогами и низкой добавленной стоимостью¹. В итоге приток заграничного капитала не вызвал никаких значительных изменений. Одним из закономерных следствий этого стал крупный вывоз капитала из страны, в общем и целом углубивший колониальный статус государства, ставшего всего лишь придатком стран первого мира.

К сожалению, колониальный статус имеет свои международные и политические последствия. Проявляются они в неспособности и нежелании местных элит понимать, в какой обстановке находится Чехия, и какие у неё стратегические интересы, а также реально оценить существенные вопросы.

«Мы стали политической периферией, которая не имеет никаких национальных интересов, потому что находится в фарватере увядающего гегемона. Наш интеллектуальный горизонт уменьшается автоматически по западному образцу... Наша энергия становится маргинальной, так как Чешская Республика выпадает из повестки сегодняшнего дня и находится вне главных интеллектуальных дебатов. Глубокие вопросы по существу не задаются, потому что подсознательно чувствуется, что у нас ничего

решаться не будет, точнее, до нас решение дойдёт в самую последнюю очередь. Политика ограничивает проведение эффективных целесообразных операций и применение конструктивных методов, потому что право выбора стратегии уже давно предоставлено кому-то другому».

Разумеется, автор не останавливается на описании состояния и констатации фактов, и смысл этой книги, как ей самой кажется, в том, что ещё не всё потеряно, она призывает смотреть в будущее и, к тому же, разрабатывать именно ту стратегию, которая поможет выйти из колониального статуса.

ИЛОНА ШВИХЛИКОВА. КАК МЫ СТАЛИ КОЛОНИЕЙ

Общей чертой экономик стран восточного блока был центральный план, но это не означает, что других экономических инструментов не было.

Прежде чем заняться конкретно анализом Чехословакии, рассмотрим несколько общих признаков, которые присущи всем экономикам стран бывшего Восточного блока. Однако вместе с тем необходимо учитывать, что вышеуказанные экономики имели свой путь развития, как и по своей структуре, так и с точки зрения роста, внутренних проблем и т. п.²

Задачей центрального плана было разумно использовать экономические мощности, не прибегая к рыночным механизмам. Рынок воспринимался как дестабилизирующий фактор. Взаимосвязанность правящей партии и экономической системы основана на государственной собственности и на системе количественных показателей. Иначе говоря, мы наблюдаем слияние политической и экономической сфер, но если рассуждать о функционировании

тогдашней системы сквозь призму политэкономии, то одного лишь указания на взаимосвязь центрального плана и правящей партии недостаточно. В той системе важную роль играли властные отношения. К примеру, при создании плана и наборе целевых (количественных) показателей проявлялось соотношение сил между отдельными предприятиями.

Кроме выполнения плана и общего уравнивания спроса и предложения центр брал на себя и другие задачи, например, гарантирование инноваций и структурных изменений. Однако как раз выполнение этих задач, главным образом, начиная с 70-х годов, было не всегда успешным, и плановые экономики начали во многом, прежде всего в хозяйственных вопросах, связанных с товарами широкого потребления, отставать от западноевропейских стран. Финансовая система играла второстепенную роль и к тому же была одноступенчатой, а роль центральных банков не была отчетливо выделена.

Цены на материальные блага устанавливались и определялись центром. Большое внимание уделялось сохранению социального равенства, цены основных социальных благ также были субсидированы. С другой стороны, то, что воспринималось как предметы роскоши, например, магнитофон, стоило очень дорого.

План с течением времени стал нарушаться, выполнялся частично, слабо учитывались запросы реального производства и потребления. Для завода и предприятия, например, самым выгодным вариантом могло быть неполное использование своего потенциала и формирование тактически не завышенных, а более реальных целей и задач. Иначе говоря, это скрытие резервов, которыми

позже можно было просто воспользоваться и добиться требуемого желательного «перевыполнения плана». Формирование плана опиралось на сочетание контроля и согласования с центральным комитетом, а «особенно шустрым» удавалось заранее и в индивидуальном порядке договориться об особых условиях³. Система качественных показателей должна была обязательно сама себя воспроизводить с помощью тех отраслей, которые можно измерить тоннами угля, стали и т. д. (однако, таким же способом тяжело, например, отразить уровень услуг). И даже при должном усилии невозможно для показателей уловить динамику, так как они для этого не гибки.

Результатом стало создание системы постоянного дефицита, символом которой для граждан являлись очереди, в основном на товары основного потребления, необходимость иметь знакомства и связи ради доступа к «дефициту» и возникновением неформального черного рынка, где удовлетворялся спрос на дефицитные товары.

Слабым звеном центрально ориентированных плановых экономик был способ их интеграции в мировую экономику. Именно реинтеграция в мировую экономику стала главной задачей трансформационного процесса, причём способы осуществления и выполнения этой задачи в Китае, СССР и Чехословакии различались. Для централизованного планирования была проблемная конъюнктура, так как усложнялись задачи использования внутренних производственных мощностей и уравнивания «спроса и предложения». Важную роль играл Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), основанный в 1949 году.

В восточном блоке вообще был сделан акцент на широкую самообеспеченность или же т. н. народно-хозяйственную универсальность. Данный феномен нельзя рассматривать исключительно в негативном ключе. Да, это правда, что производственная база была значительно широкой, то есть, малоспециализированной и с низкой эффективностью. Но, с другой стороны, такая экономика в стратегическом плане меньше зависела от своего окружения. Однако вместе с этим, отставания в некоторых отраслях было не избежать. Искусственные курсы валют в странах соцлагеря были причиной того, что система цен в странах с плановой экономикой была полностью оторвана от цен реальных (т. е. рыночных). Цены не выполняли свою функцию сигнала ни во внутренних, ни во внешних связях. Сотрудничество и совместная работа в рамках СЭВ порой были мотивированы потребностью найти сбыт излишкам с внутреннего рынка или возможностью кооперации на дополнительной (комплементарной) основе, а не на конкурентной. Нельзя также недооценивать роль заграничной торговли. Необходимо было, чтобы развивались отношения и с Западом (особенно с определённой группой развивающихся стран), хотя бы ради доступа к твёрдым валютам. Торговля с Западом действительно шла, но в разных странах с разной интенсивностью и ценой разных курсовых и ценовых деформаций, которые вместе с отставанием в прикладных исследованиях в конечном счёте привели к дефициту современных технологий и последующему отставанию⁴. По этому поводу вспоминается один анекдот, который иллюстрирует деградацию центрально-плановых экономик, родом из 70-х годов:

«Привезли японскую камеру, разобрали, поняли устройство, создали аналог. Вторая фаза: привезли камеру, разобрали, поняли устройство, но в этот раз не наладили создание и производство аналога. И, наконец, третья,

конечная фаза: привезли японскую камеру, разобрали, а устройство не поняли».

С точки зрения структурного аспекта было очевидно преобладание и предпочтение тяжёлой промышленности. Если для послевоенного восстановления это имело смысл, то в последние десятилетия стало символом упадка и доказательством того, как непросто было для стабильного режима с централизованной плановой экономикой поменять ориентацию экономической структуры, сделав акцент на товары широкого потребления. Количественные показатели должны были ориентироваться на умножение продукции при невозможности повышения мотивации к увеличению уровня качества продукции (начиная от дизайна и заканчивая уровнем технологичности). Именно эта система показателей поспособствовала тому, что сфера обслуживания и услуг играла исключительно маргинальную роль. Причём преобладание тяжёлой, а не легкой, промышленности также (зачастую негативно) влияло на ощущение и восприятие уровня жизни населением⁵.

С учётом технологического отставания в рамках стран с плановой экономикой науке и исследованиям отводилось важное место. Наверное, можно рассматривать как ключевую ошибку, что разные институты и рабочие-специальные кабинеты, занимающиеся исследованиями, как правило, не пережили 1989 год. Безусловно, некачественная научная работа была не их проблемой, проблема скорее заключалась в отсутствии ценовых сигналов (спроса), в медленном рассмотрении, принятии и утверждении новаторских проектов «сверху». Все это тормозило и затрудняло возможности применения как в работе, так и в ограниченных международных связях и контактах.

Итак, если резюмировать очень кратко, то системе плановых экономик удалось провести быструю послевоенную реконструкцию (мобилизация всех ресурсов) при экстенсивном типе развития. Но такая система была не способна перестроиться на интенсивный рост, который бы проявился в более высоком качестве потребительских товаров и необходимых своевременных инноваций, именно из-за создания плана и характера его показателей, которых она придерживалась. Данные проблемы стали особенно заметны в 70-е годы, когда центрально-плановые экономики в целом коллективно впадали в стагнацию. Теперь рассмотрим некоторые данные в таблице 1. Здесь можно заметить, что этап (период) до 1973 года (то есть до первого нефтяного шока) был позитивным (положительным) как для западноевропейских стран, так и для стран с плановой экономикой. Различия в росте не были прямо-таки чересчур заметными, что подтверждается тем, что мобилизация всех имеющихся ресурсов в рамках центрального плана эффективна прежде всего в кризисных ситуациях, одной из которых, например, является послевоенная реконструкция (str.16). Семидесятые годы ознаменовали собой перелом, но здесь следует обратить внимание, что это произошло, опять же, как в странах капиталистического лагеря, так и социалистического. Насколько в семидесятые годы была основательно подготовлена почва для современной формы капитализма, мы увидим дальше. Не будем в контексте капиталистических экономик говорить впустую (и с ностальгией) о золотых пятидесятых и семидесятых. Следующие десятилетия показывают, стало быть, не только значительное замедление и застой, но также и растущие расхождения между сопоставляемыми экономиками (отдельно стоит отметить упадок Польши — яркий тому пример). В конечном счёте, мы чётко видим то, как сильно отмечен в статистике 1990 год, то есть начало шокового периода преобразований. Его

включение в таблицу в некоторых случаях существенно снижает приблизительный годовой темп роста.

	1950–1973	1973–1989	1973–1990
Чехословакия	3,09	1,38	1,12
Венгрия	3,6	1,32	0,85
Польша	3,45	0,39	–0,25
СССР	3,35	0,99	0,75
Западная Европа	4,05	2,07	1,99

Таблица 1. Среднегодовые показатели темпов роста в социалистических странах и в странах западной Европы в 1950–1990 годы (в относительных величинах). Источник: Myant, M., Drahokoupil, J.: Tranzitivní ekonomiky, str. 52

Итак, развитие плановых экономик можно в общем разделить на 3 периода. Первый — с наивысшими темпами роста, который кроме экстенсивного роста характеризуется также повышенными темпами индустриализации и высоким размером инвестиций. Во втором периоде наблюдается попытка интенсификации роста, где, однако, скорее отмечается наращивание вовлечения в процесс рабочей силы, а также недостаточное внедрение инноваций. В последнем, конечном, периоде уже доминирует страх изменений, стагнация и определённое «омертвление», которое не сумела переломить даже перестройка.

Исходя из этих показаний, вытекает целый ряд занимательных фактов. С одной стороны, мы видим, что в рамках восточного блока Чехословакия имела привилегированное положение высокоразвитого государства и до процесса преобразований находилась в относительно лучшей позиции. С другой стороны, она, тем не менее, принадлежала к числу тех стран, которые наиболее всего

отошли от своего исходного уровня. Весьма шокирующим был упадок Польши, которая, равно как и Венгрия, боролась с внешним долгом. Сильное падение уровня жизни необходимо связывать с возникновением движения «Солидарность», с навязыванием отношений с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и переговоры с политической оппозицией. Чехословакия же была в ином положении.

	1950	1973	1989
Чехословакия	76,5	61,7	55,3
Венгрия	54,2	49,0	43,5
Польша	53,4	46,8	35,8
СССР	62,1	53,1	44,8

Таблица 2. ВВП на душу населения в процентном соотношении к странам западной Европы (=100%). Источник: Myant, M., Drahekoupil, J.: Tranzitivní ekonomiky, str.53.

Несмотря на то, что странам с центрально-плановыми экономиками не удалось повысить уровень жизни своих граждан, мы не можем рассматривать всё только через призму уровня широкого потребления. Нельзя также забывать, что большое внимание уделялось вопросам постепенного устранения неравенства и предоставлению социальных гарантий. Само собой разумеется, медицина, система здравоохранения, образование, жильё и субсидированное продовольствие были бесплатными. Помощь семьям с детьми заключалась не только в декретном отпуске, но также и в создании развитой общественной инфраструктуры: системы яслей и детских садов. Высокая доля занятых сочеталась с низким возрастом выхода на пенсию. Вообще, в Чехословакии, как и во всех странах восточного блока, главным образом был очень низкий уровень

социального неравенства. Неоспоримым фактом являлись широкая сеть социального обеспечения и развитая инфраструктура. Расширение социального страхования, бесплатное оказание медицинской помощи и выдача лекарственных препаратов, путёвки в санатории и лечебницы, помощь матерям в декрете, предоставление пенсий, пособий по инвалидности, всеобщая забота о детях и их родителях, бесплатное образование.

Но одновременно с этим именно в последние десятилетия массово появились разные дополнительные способы подзаработать, иначе говоря, получать «вторую зарплату» — от работы по совместительству вплоть до вручения подарков и взяток.

Дисциплина на заводах и предприятиях была на довольно низком уровне, а неявка на работу стала частым явлением⁶.

Также предпринимался ряд попыток реформирования «государственного социализма». К числу самых известных относятся попытки реформистов в 1968 году, имеются в виду именно усилия продвинуть цены в качестве рыночного индикатора, до полного возврата к частной собственности дело пока не доходило⁷. Вышеперечисленные намерения и усилия реформистов были впоследствии задушены Брежневым. Можно полагать, что провалившиеся реформы 1968 года сломали хребет «государственному социализму» как экономически, так и политически. То, что правительству Брежнева казалось «спасением» от ревизионистов, обернулось абсолютной своей противоположностью⁸.

Сверх того, непоследовательные и хаотические проекты реформ Михаила

Горбачева (перестройка и гласность) появились гораздо позже, когда на их реализацию уже не имелось в распоряжении ни кадров, ни источников, ни ресурсов.

В другой ситуации находился, например, Китай, где процесс реформ начался еще в конце 70-х годов, и которому удалось застать начало глобализации. Также очень специфичный был путь у Югославии, чья модель социализма могла вдохновить других⁹. Хотя не хотелось бы здесь говорить о разных «теориях заговора», но, тем не менее, считаю абсолютно правильным заниматься балканским вопросом и изучать то, насколько был связан распад Югославии с немецкими интересами в этом регионе¹⁰.

Специфика чехословацкого государственного социализма и раскрытие выбранных характеристик (в рамках контекста были выбраны чехословацкие трансформации, а точнее трансформации чешской экономики с учётом тех факторов, которые значительно проявились в процессе трансформаций).

Цель данной книги — не просто вешать ярлыки и оценивать период государственного социализма в Чехословакии как исключительно хороший или плохой, а показать, какими чертами охарактеризовывалась экономика, каким было исходное положение и состояние для трансформации экономики и, в том числе, какие для этого задачи ставил данный процесс. Рассуждая о каких-либо переменных и изменениях, необходимо всегда учитывать так называемый эффект «колеи» (зависимость от первоначально выбранного пути или же влияние социальных установок и моделей поведения, продиктованных вековыми стереотипами, и т. п.). Ведь нельзя полностью отречься от прошлого и начинать

всё заново, как будто бы перед периодом трансформаций ничего не происходило. Читателям, которых интересует более отчётливая позиция, можно порекомендовать, к примеру, разоблачающую критику, написанную автором, чехословацким эмигрантом, Ярославом Теплым — «Социализм в чехословацком народном хозяйстве и экономике» (Teplý, Jaroslav: «Socialismus v čs. národním hospodářství»). С другой стороны, чтобы рассмотреть ещё одну точку зрения по данному спектру вопросов, обратите внимание на книгу Франтишека Неужила «Вчера, сегодня и возможно завтра» (Neužil, František: «Včera, dnes a možná zítra»).

Одной из характерных черт, которая «тянется красной нитью» через чешскую историю, является склонность к крайностям, что неизбежно отразилось и на процессе трансформаций. Это имело место также и в целом в Чехословакии, где (например, в отличие от Польши) были полностью проведены национализация и коллективизация¹¹.

В свою очередь, в Польше всё ещё сохранялась некоторая предпринимательская деятельность и активность, а в Чехословакии подобное устраняли догматической тактикой. Одна из причин, возможно, кроется в том, что компартия, которая имела у нас мощное влияние, заняла в результате выборов в 1946 году доминирующую позицию.

Первым делом был создан кооперативный сектор, который сперва основывался на добровольных началах. Отметим, что кооперативная деятельность ещё в период довоенной Первой республики являлась заметным социально-экономическим феноменом. На смену добровольному объединению пришла

насильственная коллективизация, которая дискредитирует и попирает кооперативную идею¹².

В согласии с традицией впадения из крайности в крайность, с которой мы ещё позже столкнёмся, кооперативному сектору после 1989 года здорово досталось, и с негативным образом он борется по сей день. Хотя, разумеется, полная национализация не могла проводиться только лишь насилем и мотивировалась не только стремлением полностью всё контролировать. Вероятно, потому в эпоху перемен (а данное состояние сохраняется и по сей день) появилось так много отсылок, часто неточных и приукрашенных, ко временам Первой республики, что предоставило бы общественности видимость непрерывности и преемственности, при игнорировании социалистического опыта.

Централизация всех элементов экономики должна была обязательно вылиться в чрезмерную перегрузку центра. По этой причине всё логически сосредоточивалось на решении крупных проблем, нежели чем на оптимизации управления. Кроме того, данная система вела к нежеланию решать «снизу» и к перемещению ответственности «наверх». Нежелание принимать и брать ответственность стало симптоматическим и было распространено вплоть до конца 1989 года. Помимо того, централизация была также негибкой и неустойчивой: пока решался вопрос о доставке конкретного научного прибора, проходило уже много лет. Новые технологии представляли для предприятия скорее угрозу премиям и лишнюю суматоху, а никак не заманчивые и интересные возможности.

Следующей характерной чертой была двойственная структура чехословацкого

экспорта. В рамках СЭВ и в отношении к развивающимся странам Чехословакия занимала позицию зрелого и опытного партнёра, который был способен реализовать поставку так называемых инвестиционных товаров: продукцию машиностроения и строительную продукцию¹³. Таким образом, это привело к высокому уровню экспорта. Однако по отношению к развитым странам позиция Чехословакии была абсолютно другой¹⁴. Нужно также сказать, что благодаря существованию формы централизации на предприятиях внешней торговли представлялось возможным реализовать экспортные единицы (товаров). Экспорт был мотивирован получением иностранной валюты, зачастую ценой потерь. Своей структурой экспорта в развитые западные страны Чехословакия была похожа скорее на развивающиеся страны, среди «наилучших» экспортных видов товара также значился и вывоз леса, но, само собой, были и исключения, вспомним, например, ткацкие станки.

Следующей характеристикой чехословацкой централизованной экономики была высокая энергетическая и материальная затратность. Хотя промышленный потенциал существенно рос, тем не менее, он сопровождался очень высокой материальной требовательностью, которая, разумеется, продолжала укреплять доминирующую роль тяжёлой промышленности (добыча угля, железа, стали) и количественных показателей. Для полноты картины приведём также такой факт, что на чехословацкой экономике не отразились нефтяные кризисы 70-х годов, которые, напротив, для развитых стран имели куда более сильные последствия.

Принимая во внимание небольшую временную гибкость планирования и централизации управления, неудивительно, что значительную роль в структуре

национального дохода и национального бюджета играло незаконченное строительство в области инвестиций, точнее, так: строительство растягивается на несколько лет и обязательно сопряжено с последующим технологическим устареванием. Неэффективность плана была также очевидна в преобладании промышленных ресурсов, которые резко контрастировали с широко ощутимым недостатком товаров народного потребления, часто товаров первой необходимости.

Значительность и важность «номенклатуры» не была специфической чехословацкой чертой, она определялась руководящей ролью коммунистической партии¹⁵. Остаётся спорным то, как часто на руководящие посты назначались неспособные и некомпетентные члены партии, или же как часто ведущих способных работников принуждали вступать в партию, чтобы они могли продолжить работу в своей сфере. Неравное положение проявлялось при разных режимах разными способами. Это нехарактерная черта, собственно, исключительно только государственного социализма. Так или иначе, в своём практическом использовании этот процесс мог усиливать демотивацию, а в случае неспособных ведущих работников также ставил под угрозу легитимность «выбора» руководящей компартии.

Важно сообщить, что ряд граждан не могли при социализме полностью реализовать и развить свой потенциал, так как «не соответствовали политически». С другой стороны, номенклатура представляла собой сеть людей, хорошо знакомых с подлинным состоянием предприятий и экономики в целом. Их называли инсайдерами, и в рамках процесса приватизации они имели ясную информационную выгоду, которую также часто использовали.

Во времена социализма, однако, был построен определённый базис (по этому поводу не утихают споры об эффективности, качестве и т. д.), который необходимо принять во внимание, если мы будем рассматривать социально-экономические процессы после 1989 года. В рамках государственного социализма возникла комплексная система социальных гарантий и поддержки населения, которая покрывала и тех, кому раньше было отказано в опеке над малоимущими. Стоит упомянуть инфраструктуру здравоохранения и медицинского обслуживания, которая предоставлялась на бесплатной основе, систему национального страхования, пенсионные выплаты и льготы, пособия по инвалидности, также существовала широкая образовательная инфраструктура (ясли, детсады и школы), были построены трубопроводы, транспортная сеть (от железнодорожных путей до линий метро в Праге) и к тому же было налажено строительство важных энергетических мощностей (массивный прирост мощных электростанций), а прогресс как таковой достиг даже деревни, где была проведена электрификация. Сельское хозяйство способно было удовлетворить внутренний спрос. В конце восьмидесятых почти $\frac{2}{3}$ населения проживали в домах и квартирах, построенных после 1948 года¹⁶. Снова мы, с одной стороны, наблюдаем здесь способность центральной плановой экономики создать широкую социальную инфраструктуру, плоды которой обильно черпает капиталистическая система, а с другой стороны, — неспособность производить товары, привлекательные для потребителя.

1968 год и провалившаяся попытка «Пражской весны» представляла собой перелом не только для Чехословакии, но и для всей системы государственного социализма¹⁷. В Чехословакии наступила так называемая «нормализация», которая была связана с укреплением центра, «урезанием» всевозможных

реформ и возвращением к догматизму¹⁸ .

Примечательно, конечно, то, что вопреки многолетней экономической стагнации Чехословакия вступала в трансформационный процесс в лучшем положении, чем её страны-соседи — Венгрия и Польша, — где проходили эксперименты с разными мерами реформ (Чехословакия была одной из наиболее успешных стран, если говорить об удержании равновесия и баланса на рынке¹⁹). Например, внешний долг, размер которого отличался в сильно задолжавших Венгрии и Польше, в Чехословакии же большой проблемы практически не представлял. Исходные условия были существенно лучше (это уровень ВВП, см. приведённые выше таблицы). Фактом, конечно, также является то, что в это время в Польше проходили переговоры с оппозицией за круглым столом, а Венгрия переживала опыт либерализации цен и разрешение прямых заграничных инвестиций²⁰ . В Чехословакии же было очевидно стремление удержать режим в крепких руках, это проявлялось и сопротивлением партийной верхушки советской перестройке и в целом к изменениям и реформам, которые пытался проводить Михаил Горбачёв²¹ .

Теперь подведём итоги, в какой ситуации находилась Чехословакия на момент вступления в процесс преобразований. В 1990 году уровень ВВП на душу населения был 52% в среднем по ЕЭС (Европейский экономический союз) согласно паритету покупательской способности, и это был лучший исход и результат, чем в Польше или в Венгрии²² . Если говорить конкретно о чешской части Чехословакии, то там цифры достигали приблизительно 57%, и это было более высоким показателем, чем в Словацкой части. Несмотря на то, что Словакия в XX столетии прошла ускоренную масштабную индустриализацию,

она уступала Чехии, чья промышленная традиция брала свое начало с 19 века. Из-за своей географической протяженности Чехия также оказывалась в более выгодном положении. Дисбаланс в макроэкономике был относительно мал. Долг в твёрдых валютах был низок (7,9 млрд. долларов)²³ .

Интересным и примечательным также было идейное закрепление. В этом плане здесь ситуация отличалась от Венгрии и Польши, где, несомненно, уже имелись опыты с элементами капиталистической экономики в 80-х годах. Упорство чехословацких лидеров в ходе нормализации также нашло отражение в стагнации экономического мышления. Хотя и раздавались критические возгласы, но в них было всё меньше конкретных предложений, что, при такой ситуации, как правило, обычно, и происходит. Важную роль, прежде всего при создании и подготовке новых кадров, сыграл Прогностический институт под руководством Вальтера Комарека. Если же критика была сформулирована сдержанно, дискуссия о возможных решениях получалась весьма ограниченной, что должно было оказать воздействие на то, в какую сторону будут направлены дальнейшие рассуждения о чешских преобразованиях. Крепчал наивный оптимизм и вера в скорую моментальную реализацию процесса преобразований. Мартин Миант обращает внимание на излишний оптимизм в Чехословакии, которая воспринималась как страна с постоянной, более-менее современной экономикой с исключительной промышленной традицией, и это восприятие страны могло впоследствии подкрепить убеждение и уверенность в том, что быстрое открытие экономики Западу не вызовет потрясений, и наряду с этим могло привести к преуменьшению и недооценке серьезности развивающейся структурной, промышленной политики²⁴ .

ВНЕШНЯЯ ОБСТАНОВКА — ИЗМЕНЕНИЯ И ПЕРЕМЕНЫ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ПОСЛЕ 70-Х ГОДОВ

При преобразованиях и трансформации речь идёт не только о том, в каком состоянии находится экономика страны, которая вступает в процесс преобразований, но также куда и во что, собственно, она собирается интегрироваться. При повторном рассмотрении, к сожалению, раскрывается то, что первичные размышления о процессе преобразований в Чехословакии исходили из того, что мы будем интегрироваться в основы учебников по макроэкономике. В начале 90-х годов, разумеется, Запад находился в совсем другом положении, которое отличалось от положения 70-х годов (в период «Пражской весны»).

50-е и 60-е годы часто ностальгически ознаменуются как золотые времена капитализма, и, ссылаясь на статистику, несложно проверить то, что в более поздние годы западные страны (в целом) уже никогда не оказывались в благоприятном взаимном положении, если речь идёт об экономическом росте, степени безработицы, построении социального государства и т. д.

Данное позитивное развитие, разумеется, необходимо воспринимать в полном контексте, и, следовательно, требуется учитывать условия, которые сделали его возможным. Послевоенное восстановление, облегчённое воплощением плана Маршалла, принесло достаточное пространство для экономического роста и применения новых технологий, которые, в свою очередь, имели созидательный характер и вместе с тем повышали уровень жизни. Рынок занятости сделал возможным рост и развитие в государстве гарантированной социальной безопасности даже в контексте кейнсианско-ориентированной

экономической политики, которая заставляла капиталистов делиться прибылью с рабочими. Здесь уместно заметить, что построение социального государства нельзя воспринимать исключительно как шаг, мотивированный полученным уроком и опытом Второй мировой войны и Великой депрессии, которая предшествовала Второй мировой войне. Развитие государством гарантированных систем социального страхования и безопасности, собственно, было связано с конкуренцией и соревнованием с восточным блоком за более привлекательную и лучшую идею.

Семидесятые годы были тем десятилетием, когда менялось главное социоэкономическое направление западных стран. Изменение повлекло за собой череду кризисов: Нефтяной кризис 1973 года, Циклический кризис 1974-1975 гг., Структурный кризис, которые, наконец, переходят в трансформацию экономической политики. Постепенно вырисовывается и пробивается неолиберализм, сперва в Великобритании и США, который дальше уже не ограничивался этими двумя странами. С помощью крупных международных транснациональных институтов, например, таких, как МВФ или Всемирный банк, его география всё больше расширяется, и постепенно неолиберализм становится главной повсеместно принятой и одобренной, «правильной» экономической политикой.

Время и сроки являются ключевыми для процесса преобразований. В конце 80-х годов страны восточного блока исчерпали себя, перестройка не принесла результатов, даже наоборот, ухудшила положение²⁵.

Польша и Венгрия в это время ещё больше оказались в долгах и погрязли в

экономических проблемах. Передача власти могла быть в некоторых случаях избавлением от бремени, с которым коммунистические «элиты» уже не могли справиться.

Вашингтонский консенсус, официально созданный в 1989 году Американским министерством финансов, МВФ и группой мировых банков, уже был опробован на латиноамериканских странах, которые в 80-х годах уже находились в долговом кризисе. Но кризис в этих странах после подобных мер только усилился и стал губительным для многих.

Сейчас в Европе Вашингтонский консенсус отождествляется с непристойным словом, но надо понимать, что Вашингтонский консенсус — это не просто набор экономических мер. Проблемы 1970-х годов возникли в разных взаимосвязанных областях, и перемена политического и экономического направления была связана с формированием радикальных изменений в самой мировой экономике. Рост глобализации 70-х годов принёс западным странам комбинацию стагнации и инфляции, так называемую стагфляцию. Которая привела к усиленной критике кейнсианской политики²⁶.

Вместе с завершением послевоенной реконструкции страны претерпели структурные изменения. Сектор услуг превратился в крупнейший сектор экономики, будь то с точки зрения ВВП или занятости. Рынок труда изменился, и первым существенным изменением стало начало структурной долговременной безработицы. Рост цен на нефть после двух нефтяных шоков показал важность нефти в мировой экономике. Распад Бреттон-Вудской системы, которая связывала валюты западных государств с долларом и золотом, «открыл ворота»

для финансиализации экономики западных стран^{27 28} .

Нельзя также не упомянуть о том, что послевоенное восстановление было связано с наступающими экономическими технологиями, прежде всего информационными и коммуникативными, которые впоследствии глобально изменили производственные процессы.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В КОНЦЕ 1980-Х ГОДОВ

Не вдаваясь в подробности, остановимся на наиболее важном аспекте. К ним относятся новые игроки мировой экономики, которые влияют на всю систему глобального производства и распределения. Это транснациональные корпорации и международный валютный фонд.

Бреттон-Вудская система, рухнувшая в начале 70-х, стала теоретическим основанием и причиной для существования МВФ. Мировой валютный фонд в 80-х годах стал играть новую роль, роль мирового кредитора последней инстанции. После этого Вашингтонский консенсус выходит на первый план в качестве «помощника» для стран должников и навязывает им «правильную» государственную политику. Роль МВФ была долгое время идеологически сильна, даже губительная и катастрофическая трансформация в России не поколебала её авторитета. Но её слабость, связанная с кризисом в Юго-Восточной Азии, породила множество критиков. Одним из первых крупных критиков МВФ стал экономист Джозеф Стиглиц²⁹ .

Стиглиц был не согласен с неолиберальной политикой и подал в отставку, оставив свой престижный пост в мировом банке.

Политика вашингтонского консенсуса воспринимает государство в негативном ключе и винит государство в проблемах в экономике, и неудивительно, что неолиберализм, наряду с объективными условиями и технологическими возможностями, порождает совсем иное разделение труда. Транснациональные корпорации, их размер и масштабы меняются, они перестают быть связаны только с нефтегазовым сектором. Следствием этого стало расширение контейнерных перевозок и прогресс информационных технологий, которые позволяют разделить производство на несколько частей, чтобы иметь возможность расширять торговые точки и снижать издержки производства, сохраняя при этом контроль над производственным процессом.

Основные компании, находящиеся в западных странах, контролируют всю цепочку производства через дочерние компании. Производится товар с наивысшей добавленной стоимостью. Трудоёмкое производство переходит в менее трудоёмкие страны. Процесс производства глобализируется. Транснациональные корпорации становятся доминирующим фактором международного бизнеса, который оказывает значительное влияние на экономику принимающей страны.

Глобальный рынок концентрирует капитал, а международные корпорации работают во взаимосвязанных сетях. С 1990-х годов их обвиняют в слияниях и поглощениях. Как и финансовые группы, их преимуществом является глобальная мобильность и способность избегать последствий своих действий. Глобализация характеризуется мобильностью, которая предоставляет огромное преимущество для тех, кто может её использовать. (Однако это не относится к национальным государствам, которые не могут изменить своё положение)

Эти особенности важны для того, чтобы чётко указать, что страны Восточного блока не являются частью нейтральной среды или мира свободной конкуренции, а скорее представляют собой очень концентрированную корпоративную среду с глубоким разделением труда.

Другие значительные тенденции, которые наблюдались с 1970-х годов, включают в себя финансовую деятельность и повышение важности финансового сектора для экономики. Этот процесс переполнен дерегулированием и либерализацией трансграничных потоков капитала. С 1970-х годов важность кредитования в экономике резко возросла, вызывая значительную турбулентность на рынках и усиливая роль спекуляций. Новые игроки, такие как частные инвестиционные фонды и хедж-фонд³⁰, используют рычаги для дестабилизации мировой финансовой среды.

Это глубокое разделение труда, где страны специализируются на одном конкретном производственном процессе или компоненте продукта. Подобное можно увидеть на примере автомобилей и телефонов. Однако может иметь место и одежда, которая иногда производится на трёх континентах³¹.

Резко меняется роль государства, уменьшается его суверенитет. Ограничения отражаются в доходной части бюджета: стартапы, которые приводят к сокращению корпоративного подоходного налога, манипуляции ценообразованием, налоговые убежища и приватизация общественных услуг, как, например, пенсионная система в 1990-х годах. 90-е также являются периодом роста интеграционных мероприятий, которые, разумеется, не направлены на социальные цели, а в первую очередь направлены на

либерализацию торговли.

Важнейшим примером этого является появление Европейского союза и Североамериканского содружества. Также интеграции групп в Латинской Америке (Mercosur) и Азии (ASEAN). Характеризуются эти союзы и группы свободной торговлей и снятием правил регуляции экономики.

Восточный блок, таким образом, интегрировался в экономику, которая уже сильно отличалась от формы 50-х годов: вместо мощных национальных государств, способных определять и обеспечивать соблюдения правил «игры», сейчас существуют мощные многонациональные субъекты, рынок сконцентрирован, а контуры политической экономики, то есть интересы отдельных государств, уходят на второй план.

Капитализм будет отмечать идеологическую победу, но сама система уже находится в предсмертном состоянии. Резкое увеличение неравенства как в домашней экономике, так и между экономиками других стран, растущая финансовая система, которая вызывает ряд кризисов и пузырей, дестабилизирует всю систему, поскольку западные экономики всё больше зависят от кредитов. С 1970 годов доля заработной платы сократилась в результате экономического роста, а использование технологий экономии труда благоприятствует факторам капитала. В Соединённых штатах, которые выступают в качестве авангарда данных тенденций, темпы эксплуатации растут, поскольку заработная плата растёт медленнее, чем производительность труда.

Итак, страны восточного блока интегрировались в капиталистическую систему,

находившуюся на этапе глобализации. Кроме того, США в 1987 году были в двух шагах от массового кризиса, который отразился на крахе фондового рынка. В панике США подписали договор о безъядерном мире (РСМД).

Распад восточного блока пришёлся как нельзя кстати. Включение стран восточного блока в капиталистическую экономику дало капитализму временное спасение от кризиса. Но ненадолго, и время финансовых пузырей закончилось великой рецессией в 2008 году.

Страны Восточного блока представляли якобы пример и идеал капиталистической экономики. Интегрированные в мировой рынок, они были на самом деле далеки от идеала.

Но идеологическая победа была очень важна, она позволяла дальше расширять неолиберальную доктрину, усиливать правые партии и дезориентировать социал-демократов.

Гегемония США начала выражаться в расширении НАТО, склонности к использованию военной силы, упреждающей войны и самое серьёзное: игнорированию международного права.

Дальнейшее расширение глобального рынка через захват рынков стран восточного блока решало проблемы перенасыщенности западных рынков, с Запада в страны восточного блока повалили низкокачественные товары и излишки от потребления стран Запада. Также они получали дешёвую и хорошо образованную рабочую силу в качестве местных работников на захваченных производствах и трудовых мигрантов. Дешёвое производство и несоблюдение

экологических норм стало повсеместным в Восточной Европе, где западный капитал массово выкупал промышленные производства и предприятия по добыче ресурсов.

Запад был не заинтересован в создании конкурентов в странах восточного блока. Вашингтонский консенсус следил, чтобы страны Восточной Европы интегрировались на максимально невыгодных для них условиях. Идея большинства граждан о том, что западные фирмы хотели «помочь», столь же наивна, как и смешна.

Давление на правительства ради снижения налогов и инвестиционных стимулов далее вернулось «бумерангом» в западные страны, вызвав «бунт» социал-демократических партий, которые оттеснили правые неолиберальные партии от власти. Пример правительства Тони Блэра в Великобритании и Герхарда Шрёдера в ФРГ или кризисной Испании, где на волне кризиса к власти рвались «радикальные левые».

В апреле 2011 года Доминик Стросс-Кан, глава МВФ, выступил с заявлением, что «Вашингтонский консенсус» *«с его упрощёнными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади»*³², а причиной кризиса 2008–2009 гг. стало именно выполнение правил «Вашингтонского консенсуса»³³.

От редакции. Вашингтонский консенсус, созданный Международным валютным фондом, Группой всемирного банка и Департаментом казначейства США,

состоит из девяти взаимосвязанных положений. Их общая цель — возвращение к классической экономике и отрицание кейнсианской политики, а также убеждение, что рынок является лучшим механизмом саморегулирования, и снижение роли государственного сектора.

«Вашингтонский консенсус» включает набор из 10 рекомендаций:

1. Поддержание фискальной дисциплины (минимальный дефицит бюджета);
2. Приоритетность здравоохранения, образования и инфраструктуры среди государственных расходов;
3. Снижение предельных ставок налогов;
4. Либерализация финансовых рынков для поддержания реальной ставки по кредитам на невысоком, но всё же положительном уровне;
5. Свободный обменный курс национальной валюты;
6. Либерализация внешней торговли (в основном за счёт снижения ставок импортных пошлин);
7. Снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций;
8. Приватизация;
9. Дерегулирование экономики;
10. Защита прав собственности.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. От редакции. За сумму, равную средней недельной заработной плате, взрослый гражданин Чехословакии мог купить книжку купонов. Ценность купонов была выражена не в денежных единицах, а в пунктах. В ходе первой волны приватизации каждый владелец ваучерной книжки мог использовать купоны общим достоинством в 1000 пунктов. Акции каждого предприятия также оценивались в пунктах. ↩
2. От редакции. Подробно о Польской народной республике вы можете почитать в статье Piotr Biełło. «Могло ли получиться? Очерк общественной истории Польской народной республики». ↩
3. Примечание и пояснение к предприятиям и мотивации: так как все средства предприятиям распределял центр, у успешного предприятия была возможность сбыть часть предоставленных ресурсов другому, непроизводительному и менее успешному предприятию. Такие действия, бесспорно, повышению мотивации не способствовали. ↩
4. Примечание: стоит ещё раз сказать, что это происходило отнюдь не во всех отраслях производства (см. дальше). ↩

5. Примечание: снова с оглядкой на специфику некоторых стран, например, в ряде Балканских стран имелся значительный и широкий сектор сельского хозяйства. В Советском Союзе же, само собой, напротив, была добыча и разработка нефти и природного газа вкуче с ВПК, освоением космоса и развитой промышленностью. ←
6. Примечание: между тем, заводы и предприятия предоставляли множество социальных гарантий. ←
7. От редакции. Но в своём развитии реформы «Пражской весны» вполне могли закончиться реставрацией капитализма. ←
8. От редакции. Подробнее об этом периоде и последствиях вы можете узнать из документального фильма «**Как побрить ежа?**» Егора Иванова (Tubus Show). ←
9. От редакции. Югославскую «рыночную модель социализма», на наш взгляд, назвать социализмом, в научном значении этого слова, нельзя. ←
10. Примечание: Словения, однако, в ходе процесса трансформации сохранила свою специфику (рабочую инициативу и участие), и в меньшей степени, чем остальные страны Югославии, подчинилась Вашингтонским соглашениям и неолиберальному влиянию. ←
11. Франтишек Неужил, с другой стороны, приводит аргументы, что главная волна национализации прошла ещё в 1945 году, причём речь не шла о чём-то специфическом, характерном только для Чехословакии, потому что государственный контроль за стратегическими отраслями существовал и в западных странах. Также он указывает на то, что к концу 1947 года *«капиталистический, предпринимательский и мелкокрестьянский сектор включал в себя уже только 23,8 % экономически активных занятых лиц, причём кроме сельскохозяйственного сектора самые высокие позиции были именно в секторе строительства, оптовой и внешней торговли»*. Neužil, František Včera,

dnes a možna zítbra, str 10. ↩

12. Примечание: К этому можно порекомендовать книгу Ладислава Фейерабенда «Сельскохозяйственные кооперативы в Чехословакии в период до 1952 года». Приведём цитату из книги:
«В течение нескольких лет, которые прошли после установления коммунистической власти в Чехословакии, была уничтожена прекрасная система сельскохозяйственного кооператива. Кооперативные принципы и методы требовали свободы отдельной личности и возможности автономных действий и были основаны на понимании, толерантности, на взаимопомощи, и никак не на ненависти, агрессии и принуждении. Их целью являлось улучшение экономических и социальных условий жизни». Ladislav Feierabend — *Zemědělské družstevnictví v Československu do roku 1952*, str. 82). ↩
13. Примечание: инвестиционные товары изготавливаются за счёт инвестиционного капитала и служат целям замены, обновления, качественного улучшения основных средств. ↩
14. Примечание: предприятия внешней торговли также подвергались критике за то, что отделяли отношения между отечественным предприятием и иностранной компанией, а также за отличие от реальной цены, по которой произведённый продукт наконец продавался. Отдалённость от реальных цен была главной характеристикой всей экономики, а не только сферы внешней торговли. ↩
15. Примечание: в первоначальном значении речь шла о системе назначения на должность, разрешение назначения должности было тесно связано с членством в партии или же назначение должно было быть одобрено парткомом. Сделаем оценку того, что в 1980 году доля членов партии в общей численности населения составляла 11%, в то время как в Советском Союзе — 7%. Сноска — Viz Myant, M., Drahekoupil, J. — *Tranzitivní ekonomiky*, str. 40-41. ↩

16. Сноска František Neužil: Včera, dnes a možná zítra..., str. 16-32. ↩
17. Примечание: Разумеется, процесс преобразований и реформ на многих уровнях нельзя исключительно отождествлять с «Пражской весной» 1968-го, её влияние было во многом более продолжительным и, прежде всего, не только для одной экономики (!), но также и для политической демократизации. ↩
18. Примечание: Ф. Неужил приводит некоторые этапы реформ, которые были реализованы намного позже, например, план в рамках СЭВ выпустить из обращения так называемый «конвертируемый рубль» и перейти на свободно конвертируемые валюты. В 1988 году были частично проведены реформы. Например, было де-факто было упразднено формализованное материальное планирование. Сноска — Včera, dnes a možná zítra..., str.22. ↩
19. Примечание: Ф. Неужил указывает далее стоимость так называемых базовых товаров, в общих чертах это более 3 миллиардов крон в 1989 году, остаточная стоимость — более 2 миллиардов крон, это с учётом только Чехии, не включая Словакию. Сноска — Viz Myant, M. Drahoukupil J. — Tranzitivní ekonomiky, str. 66. ↩
20. Примечание: Понятное дело, что без реформ, связанных с личностью М. Горбачёва, которые включали в себя ослабление контроля над Восточной Европой, переговоры за круглым столом с оппозицией были бы невозможны. ↩
21. Примечание: Комплексная оценка политики перестройки и гласности не является целью данной книги. Реформы колебались от попытки повысить рост в стагнирующей экономике, даже после укрепления независимости предприятий. Разумеется, в отличие от Чехословакии, представители Советского Союза действительно понимали необходимость коренных изменений, но до которых так и не дошли... Темпы изменений были очень медленными, что происходило по причине консервативности мышления и далее опасениями министерств с введением экономических ограничительных мер. ↩

22. сноска М. Мыант — Vzestup a pád českého kapitalismu, str. 34-41. ↩
23. Примечание: Доходы с экспорта достигали 5,7 млрд долларов. ↩
24. Примечание от автора — Выражаю несогласие с мнением М. Мианта, что без иностранной собственности, то есть и даже если бы иностранный капитал владел большей частью чешской промышленности, не получилось бы модернизировать экономику. Вижу в этом высший колониальный подход и точку зрения — либо вступайте с нами в торговые отношения, либо мы вас автоматически причислим к нецивилизованным варварам. То, что существуют другие пути, бесспорно, показывают экономики стран юго-восточной и восточной Азии — Японии и Китая. Быстрое открытие экономики было результатом давления МВФ и, следовательно, не подходило под домашнюю «иллюзию» главенства и превосходства чешской продукции. Антипатия к иностранному капиталу, как увидим далее, была хорошо наблюдаема и изучена Вацлавом Клаусом. ↩
25. Примечание: Китай же, наоборот, получил значительную выгоду от реформ, сконцентрированных на экономике (1978-1979), и успел влиться в формирующуюся глобализацию. ↩
26. Примечание: Кейнсианская политика уделяла большее внимание борьбе с безработицей, чем с инфляцией, и была также основана на том, что государство является суверенным на своей территории и должно само определять промышленную политику, налоги и т. д. Но с изменением мировой ситуации Кейнсианская политика перестала решать возложенные на неё задачи. ↩
27. Что означало подчинение реального сектора экономики — финансовому, что характеризовалось преобладанием финансовых сделок во внутренних и внешних отношениях. Примечание автора перевода. ↩
28. Примечание: Бреттон-Вудская система, основанная на режиме стабильных

обменных курсов, являлась регулятором международных валютных связей. Была согласована в 1944 году и существовала с 1945 до 1971 года. Страны, входящие в данную систему, привязывали свою валюту к доллару, который, соответственно, был прочно фиксирован к цене золота. ↩

29. Примечание: Джозеф Стиглиц — крупнейший критик МВФ и неограниченного рынка. Разгромил доводы о «полезности» купонной приватизации. На этом поле вступил в спор с Вацлавом Клаусом. ↩
30. Примечание: одна из разновидностей инвестиционного фонда, где группа инвесторов объединяет свои капиталы, и управляющий вкладывает деньги в различные проекты для получения прибыли. ↩
31. От редакции. Например, дизайн разрабатывается в странах Запада, материал для одежды собирают и производят в Африке, а на пошив отправляют в Китай. Также в пример можно привести «производства алюминия в африканской стране». Алюминий — концентрированное электричество и на его производство требуется очень много дешёвой энергии. Добывают бокситовую руду и везут из Африки в Россию, где делают дешёвый алюминий за счёт дотаций на низкую стоимость электричества, и вывозят из России на продажу. Воспользовались дешевой энергией — и не нужно строить завод на месте африканской добычи. ↩
32. **Глобализм с человеческим лицом.** ↩
33. **Стросс-Кан признал деятельность МВФ ошибочной.** ↩